

ФОЛЬКЛОР И ЭТНОГРАФИЯ

НАЗИРОВ Р. Г (Уфа)

ИЗБУШКА НА КУРЬИХ НОЖКАХ

I

В русских сказках о Бабе-Яге уникальной деталью является «избушка на курьих ножках»; истолкование этой детали наталкивается на большие трудности. Так, ряд исследователей связывает избушку Бабы-Яги с пониманием этой зловещей героини как мертвеца; например, у В. П. Аникина: «Сама же изба, напоминающая своей теснотой гроб, едва ли не поздняя поэтическая разработка древнего обычая хоронить покойников на деревьях или на помосте (так называемое «воздушное погребение»)»¹.

Неясно, почему эту диковинную избушку В. П. Аникин считает «поздней разработкой»; этот образ представляется весьма древним. Еще труднее понять, как можно согласовать интерпретацию этой избушки как гроба с ее устойчивым архитектурным зооморфизмом, с ее «курьими ножками». К воздушному погребению они отношения не имеют.

Думается, этот архитектурный зооморфизм отражает определенную реальность: зооморфные строения сооружались первобытными людьми в лесных чащах для проведения инициаций, причем конкретная форма строения была обусловлена представлением о духе инициаций — животном, которое поглощает и извергает посвящаемых. У некоторых африканских племен эти строения имели вход в виде пасти крокодила, и посвящаемых мальчиков протаскивали сквозь крокодильи зубы (-пожирание, смерть). Строения для инициаций могли иметь рыбообразную форму: инициация как поглощение рыбой отразилась в фольклоре Ближнего Востока, в библейском рассказе о пророке Ионе во чреве кита и т. п. Наконец, эти строения могли иметь и птицеобразную форму, например, форму ворона². Как известно, у древних славян существовали п т и ч ь и культы (лебедя, сокола, кукушки и др.).

К лесному дому для инициаций восходит и такая деталь русской сказки «Василиса Премудрая» (АТ 480 В*), как «рот с острыми зубами» вместо замка на воротах Бабы-Яги. Это реликт тех разверстых челюстей, которые сами были воротами при инициациях.

Сказки о Бабе-Яге, о службе героя (героини) у нее, о выполнении трудных задач Яги отражают обряд инициаций. Но, разумеется, Яга не была «выдумана» специально для обряда: культ ее имел самостоятельное значение. И здесь мы вступаем в область мрака и догадок, порою слишком хитроумных, что не прибавляет им доказательной силы.

Большинство ученых сходится во мнении, что древнейший образ Яги был зооморфным, хотя неясно, каким именно. «Несомненно, что это очень древний матриархальный мифический образ, генетически связанный с образом хозяйки леса, царством мертвых и более древними тотемистическими представлениями. Вряд ли можно точнее определить его специфику», — полагает Е. М. Мелетинский³.

Однако весьма решительные попытки определения этой специфики проникают даже в учебники: К. Д. Лаушкин в статье «Баба-Яга и одноногие боги (к вопросу о происхождении образа)» (1970) считает ее славянским божеством смерти. Этот образ прошел сложный путь: вначале Баба-Яга представлялась в образе змеи (в первобытную эпоху), потом — одноногого божества смерти (в дохристианскую эпоху), наконец стала сказочным персонажем (в новое время)⁴.

Здесь бесспорны два положения: что образ «прошел сложный путь» и что Яга «стала сказочным персонажем». Между этими положениями заключены слабо обоснованные гипотезы.

Особо следует рассмотреть точку зрения В. Я. Проппа, являющегося автором наиболее последующих интерпретаций образа Бабы-Яги. Пропп, изучивший этот образ, выявил двойственность этого образа. Баба-Яга не всегда была отвратительной колдуньей; образ ее генетически связан с инициациями; этими обрядами первоначально руководила женщина-ведунья, в дальнейшем сменяемая «дедушкой лесовым». Пропп выделил также сказочные элементы, позволяющие реконструировать образ благожелательной Бабы-Яги, помогающей героям советом и делом. Архаическая Яга была «матерью и хозяйкой зверей». «Яга представляет стадию, когда плодородие мыслилось через женщину, без участия мужчин» (Пропп, 62).

Все это представляется глубоким и справедливым. Кроме того Пропп считает, что Баба-Яга — это мертвец, «охранительница прохода» в загробный мир. Действительно, ее избушка явно стоит на границе двух миров: можно счесть Ягу «охранительницей прохода», но для этого ей **вовсе не обязательно** быть мертвой. Такое понимание есть бессознательная модернизация архаического мышления в духе романтической фольклористики. Разве греки считали мертвым адского пса Цербера, охранявшего вход в Аид? Разве мертвыми были валькирии эддических мифов, уносившие павших героев в Вальгаллу?

Пропп писал, что Баба-Яге не по себе от запаха живого человека: «Запах живых так же противен и страшен мертвецам, как запах мертвых страшен и противен живым» (52-53). Это неубедительно: известная формула «русским духом пахнет» универсальна, она употребляется во всех сказках, где герой скрытно проникает в дом врага. Запах — это главное физическое проявление этнического различия и отталкивания: европейцу нестерпим рыбный запах эскимоса, неграм противен запах белых, русского валилит с ног запах китайской кухни, а старики-татары, встречая своих деревнях первых русских поселенцев, ворчали: «Сасы урус (вонючий русский)». А. С. Пушкин в письме к П. А. Вяземскому

коло 7 ноября 1825 г. отметил крепкую атмосферу русского протонародного быта⁶.

«Герой волшебной сказки неизменно оказывается в лесу. Именно здесь начинаются его приключения... Лес окружает иное царство... дорога в иной мир идет сквозь лес» (Пропп, 44-45). Все верно: поэтому «лесная хозяйка» и преграждает доступ в иной мир. Но сама она при этом — не мертвец и не божество смерти.

Одним из аргументов ошибочного толкования образа служит сказочный эпитет «костяная нога». «Что страшное чудовище Яга — труп, говорит и ее костеность» (Аникин, 129). Некоторые исследователи толкуют указанный эпитет не в аспекте «костености», а в плане «одноногости», проводя параллель между Ягой и китайскими (и иными) одноногими божествами смерти (К. Д. Лаушкин). По моему мнению, вся аргументация, бурно разросшаяся вокруг эпитета «костяная нога», есть лишь плод лингвистического недоразумения⁷.

«Костяная нога» — эпитет в форме приложения, аналогичный многим другим фольклорным прозвищам. Всем известен Ивашка Медвежье Ухо: означает ли это, что у него одно ухо? Разумеется, нет: у него два уха, и оба медвежьих. Русское прозвище Мокроус имеет в виду два мокрых уса, а не один. И мифический персонаж, изображенный на древнерусской иконе «Спас Ярое Око», никогда не мыслился одноглазым. А когда мы сегодня говорим: «Рука у него тяжелая», — то мы вовсе не имеем в виду однорукого инвалида.

Во всех этих случаях единственное число служит синекдохой старого двойственного числа. Поэтому мы в праве предполагать, что у Бабы-Яги сказкой мыслились две ноги; в ряде русских сказок прямо говорится, что она лежит в избе раскорякой, далеко раскинув свои ноги. Но почему нога у нее «костяная»?

«Костяная» — значит костистая, тощая, сходная с сухой и длинной птичьей ногой. Полагаем, это прозвище Бабы-Яги осталось от ее прежнего птичьего облика. Ноги ее были птичьими, как и ноги ее избушки: напомним, что дом для посвятительных обрядов имитировал формы животного (птицы, рыбы), во чреве которого разыгрывался обряд.

Если принять положение, что архаическая Яга мыслилась птицей, то мы обнаружим в мифах и фольклоре многочисленные параллели к этому образу.

Вспомним греческое предание о сиренах: в послегомеровских сказаниях эти сладкопевные губительницы мореходов представлялись крылатыми девами с прекрасными лицами и уродливыми куриными ногами; они изображались в окружении костей съеденных ими моряков. Разумеется, Баба-Яга отнюдь не столь прельстительна, как сирены, но в некоторых отношениях схожа с этими людоедками «на курьих ножках».

Образы сирен были известны древней Руси, где они слились с представлениями о птице мудрости — сове Афины — и породили традицию изображения вещих птиц Сирин и Алконост в живописи и резном орнаменте. См. в словаре Даля: «Сирин — цсл. птица со-

ва, или филин, пугач: есть лубочные картины, изображающие райских птиц сирина и алконоста, с женскими лицами и грудью...

На эту художественную традицию могли повлиять и скифские предания о грифоне (полуорел, полулев). В преданиях ираноязычных народов грифоны — это хранители кладов; грифон выносит героя из подземного царства в различных вариантах мирового сказочного сюжета АТ 301 А, В. Заметим, что в русских вариантах этого сюжета героя выносит на свет огромная птица, обычно орлица; но иногда она называется «Баба-птица».

М. А. Колосовым записана в Карелии замечательная русская сказка «Солдат и его жена Царь-птица», где белая лебедь превращается в красивую девушку и становится женой солдата, оставаясь при этом «царем» над всеми птицами. Далее выясняется, что у неё есть две сестры, живущие в избешке «на курьей лапке, на веретеной пятке»: они описаны как «красные девицы», но в то же время ведьмы. М. К. Азадовский в комментариях к этой сказке прямо называет их «бабами-ягами»⁸. Заметим, что у чудесной жёны солдата показаны только две сестры-яги, хотя законы сказочной поэтики требуют тригеминации. Но она сама, эта красавица Царь-птица, и есть третья Яга. Эта уникальная сказка отразила очень архаичное понимание Яги как женского природного божества — Царь-птицы, вступающей в брак с героем и помогающей ему, как помогла, например, Царевна-лягушка.

В языческой Руси лесная хозяйка могла представляться Царь-птицей, она же Баба-птица, и выполнять двойную мифологическую функцию: «охранительницы прохода» в загробный мир и посредницы между двумя мирами. Постепенно началась антропоморфизация. Женское лицо и грудь птицы Сирина — первая ступень антропоморфизации: на последней ступени от птичьего облика остались только курьи ноги Бабы-Яги с их «веретеной пяткой». Неполная антропоморфизация зоологических образов известна в мифах и преданиях всего мира: индийский бог Ганеша с головой слоненка, спутники Диониса с их рогами и копытами, змеиный хвост Мелузины и многие другие.

Казахский эпос об Идиге рассказывает о происхождении его рода от брака Баба-Тукласа с девушкой-птицей, одной из трёх сестер-лебедей, которая согласилась стать его женой под условием трёх запретов: не смотреть на ее голову, когда она чешет волосы; под мышку, когда она снимает рубаху; и на ноги, когда она разувается. Спустя некоторое время Баба-Туклас нарушил запреты и подсмотрел, что у его жены череп прозрачный, под мышкой просвечивают легкие, а ноги — птичьи⁹. Кстати, Баба-Туклас и солдат из севернорусской сказки добывают жену одинаковым способом: купанье лебедей, похищение сброшенного оперения одной из девушек-птиц и т. д.

А вот пример с другого конца света, из сказки французской прециозной писательницы графини д'Онуа (1650—1705) «Желтый карлик». Графиня писала с убийственной изысканностью, ее сказки порою превращались в нелепо вычурные волшебные романы, но она знала живой фольклор. В «Желтом карлике» страшная Фея

Тюстыни похищает Короля Золотых Рудников, в которого влюбилась; унеся его, она принимает вид молодой красивой феи и предстает перед ним с изъявлениями жалости и сочувствия. Король тут было не попался ей на удочку, но вдруг заметил, что у красавицы грифоньи ноги. Эти ноги были единственным, чего колдунья не могла изменить. Понимая, что сопоставление книжной сказки жарокко с народными нарушает дисциплину исследования, укажем в свое оправдание, что грифоньи ноги злой феи как необралимый остаток ее бестиального облика явно восходят к фольклору.

Птичьи ноги сирен, девушек-лебедей или феи из «Желтого карлика» лучше поясняют русский эпитет «костяная нога», чем китайские одноногие боги или вымышленные фольклористами-романтиками ходячие трупы. Конечно, фольклор знает оживающих мертвецов и призраков-вампиров, но они не пасут гусей, как Баба-Яга, и не готовят обед.

II

Архаическая Баба-Яга не была враждебна человеку, но выступала как покровительница и советчица; в ряде восточнославянских сказок она помогает герою или героине — обычно после выполнения ими трудных задач, но иногда по первой же просьбе. Четкое осмысление генезиса ее образа мы находим у Н. В. Новикова, считающего, что «из двух сказочных Ягишен-антиподов» более архаична Яга-дарительница. «Мифологическая сущность доброй Бабы-Яги не подлежит сомнению. Она всегда изображается в сказках всемогущей, мудрой и вещей старухой, полновластной «хозяйкой леса»... Ученый предполагает, что генетически образ Бабы-Яги восходит к матриархату. Преклонение и одновременно страх перед этой богиней «породили то двойственное отношение к ней, которое нашло отражение в сказках. Нам представляется, что на переосмысление сказочного образа Бабы-Яги, наделение его отрицательными свойствами решающее воздействие оказала эпоха острой и продолжительной борьбы между матриархатом и патриархатом...»¹⁰.

Разделяя эту трактовку, мы хотим дополнить ее восстановлением архаического образа Яги. Выше говорилось, что у нее были птичьи ноги. В сказках часто отмечается ее длинный нос, которым она способна ворошить жар в печи; глаза ее так расставлены, что могут смотреть в противоположные стороны, — это позволяет ей одновременно прятать и гусей в поле пасти. В цитированной сказке «Солдат и его жена Царь-птица» обе яги, потчывая солдата, сносят хлеб, как птицы сносят яйца¹¹.

Поэтому мы считаем не лишенной интереса гипотезу М. Гимбутас о великой Богине-Птице первобытных земледельцев; эту гипотезу подверг критике академик Б. А. Рыбаков: «Выношу на суд излюбленный сюжет М. Гимбутас «Lady Bird». Схематическая фигурка женщины в юбке увенчана головой с длинным носом и огромными глазами. Ни крыльев, ни птичьих лап здесь нет. Стоит ли ее так настойчиво объявлять дамой в птичьей маске и на этом основании говорить о Богине-Птице?»¹².

Возражение это внутренне алогично. Женщина в юбке —

явно не птица, а посему «не обязана» иметь ни крыльев, ни птичьих лап; это просто шаманка в ритуальной маске. Славянские языческие культы птиц общеизвестны, чудесные птицы характерны для всех индоевропейских мифологий. Почему бы и не прислушаться к английской исследовательнице М. Гимбутас? Предполагаем, что «лесная хозяйка» охотничьей и раннеземледельческой эры мыслится в виде огромной «синкретической» птицы; впоследствии этот облик дал начало гротескным чертам ее сказочной обрисовки (нос-клюв, расстановка глаз, «костяные» ноги).

Царь-птица была отчасти связана с загробным царством и жила на границе двух миров.

Русская сказка «Морозко» (Афанасьев, 95; АТ 480) повествует об испытании терпения и выносливости падчерицы, щедро награждаемой, и мачехиных дочек, которых Морозко замораживает. Иногда в вариантах Морозко замещается лешим, но архаичнее варианты, где испытание (собственно говоря, инициация) осуществляется духом женского рода — Бабой-Ягой или (в украинских сказках) Кобылячьей головой.

К тому же типу относится немецкая «Frau Holle» (Grimm, 24; АТ 480). Прыжок несчастной падчерицы в колодец трактуется исследователями как символ смерти, а Фрау Холле — как владычица подземного царства. Однако в сказке она же насыпает на землю снег, взбивая свою перину, т. е. должна была бы находиться над землей. В имени «хозяйки снега» Якоб Гримм усматривал искажение имени «Frau Hulda», приписывая этому сказочному лицу происхождение от древнегерманской богини зимы (Huld-холод). Тогда Фрау Холле можно считать женским вариантом Морозки.

Е. М. Мелетинский приводит на этот счет и другие мнения, делая сдержанный вывод: «По-видимому, фрау Холле — образ «низшей мифологии»¹³. Думается, что в данном случае осторожность эта чрезмерна.

В палеолитическом мышлении двоичное представление о мире предшествовало троичному: вселенная делилась только на небо и землю. Создав понятие «небо», человек пожелал достичь его. Возник всемирный сюжет о герое, который по чудесному растению взбирается на небо; оттуда он возвращается на землю на огромной птице, ибо чудесный боб, пальма или иное растение имели коварную привычку внезапно принимать обычные размеры. С появлением «трехярусного мира» сказочное путешествие в иной мир все чаще направляется вниз, под землю, но оттуда героя выносит опять-таки гигантская птица, в чем больше поэзии, чем логики (АТ 301).

Очевидно, сказочный сюжет, возникший в эпоху двоичного деления мира, переформировался таким образом, что небо в качестве «иного мира» было заменено подземным царством. То же самое произошло в сказке «Фрау Холле». Ее мифическим ядром было «делание снега»; зачин, в котором падчерица уронила веретено в колодец, прибавился гораздо позднее. С перемещением Фрау Хульды с неба под землю она стала подземной царицей (в скандинавских мифах великанша Hel — владычица подземного мира). Ве-

роятно, в сюжетах типа АТ 480 изначально царило женское божество зимы, и только с падением матриархата ее вытеснил в русских сказках Морозко или леший.

В славянских представлениях резиденцией Зимы был лес. Древние славяне не знали ни снеговых вершин, ни Ледовитого океана, зато прекрасно знали, что в сумрачной чаще леса снег держится дольше всего. Отсюда возможно сближение лесной хозяйки с Зимой и ее ведущая роль в архаичных версиях типа АТ 480. Образ снежной богини, известной многим народам, в том числе германцам и финно-уграм, по всей вероятности, издавна был антропоморфным. Он мог повлиять на зооморфную Царь-птицу, и из этого соединения возникла грозная и причудливая Баба-Яга.

Тысячи лет она была покровительницей людей, но с падением матриархата началась ее ужасающая деградация. Сказочный герой может добиться ее помощи, но для этого ему нужно сразу поставить её на место, показать, что он её не боится. Отсюда повторяющиеся формулы своего рода «ритуальной грубости» по адресу Бабы-Яги: тем самым герой утверждает свое мужское превосходство. Сказочная героиня никогда не обращается с Ягой столь же властно. «Мужское» поведение героя и в ряде вариантов цинично-эротическая поза Яги в избушке суть реликты исчезнувшего мотива брачного союза героя с Ягой. Только дети или девушки выглядят проходящими инициацию у Яги, герой-мужчина ей приказывает («напой, накорми, спать уложи»).

Видимо, в протосюжете помощь Яги герою была обусловлена их браком, но с падением матриархата и деградацией образа Яги это стало эстетически невозможным (Яга имеет дочерей, но не знает власти мужа). Когда у восточных славян утвердилось патриархальная семья, пережитки матриархата стали восприниматься ими как «дикость», уродство. Отсюда появление карикатурных черт в образе Яги, гротескная деформация, ее людоедство, подчеркнутая глупость и т. п.

Но и в этой снижающей версии поздней сказки она сохраняет хозяйственность, трудолюбие, усердие, переходящее в комическую хлопотливость: одновременно прядет, «глазами гусей в поле пасет, носом в печи поварует» (севернорусские варианты).

В чечено-ингушских сказках есть мудрая старая советчица Жер-баба и есть огромная старуха-людоедка, трудолюбивая хозяйка, мать нескольких дочерей; сыновей у нее нет, о муже ничего не сообщается. Она принимает на ночлег путников и точит зубы, чтобы их съесть. Это «ранняя Яга» и ее поздняя, гротескно-урашающая деформация. В русских сказках эти стадийно различные варианты богини матриархата не сохранились как два отдельных образа, а слились в один. Остатки архаического образа Яги-дарительницы оказались заслонены чертами людоедки.

Старухи-людоедки стали представляться не столько сверхъестественными существами, сколько злыми колдуньями, т. е. существами человеческой природы. В поздних русских сказках сюжетным эквивалентом Яги нередко становится ведьма. Унижающими атрибутами Бабы-Яги стали кочерга, метла, ступа и пест — орудия